

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ПРОБЛЕМА:
бюрократические пороки, токсичность гуманитарной сферы и рецепты
исправления положения дел в научно-образовательной системе России**

Аналитический доклад

Экспертная группа:

Василий Георгиевич Колташов, руководитель

Андрей Александрович Коряковцев

Антон Эдуардович Скарарь

Москва, 15 апреля 2024 г.

Россия медленно вступает на путь контрреформы науки и образования после долгого периода неолиберальных реформ в этой сфере. Результат этих реформ таков, что без преувеличения можно сказать: ни в Российской империи, ни в советское время ситуация в высшем образовании и науке не была столь нездоровой, как сейчас. Каково наследие неолиберальных преобразований? Можно ли рассчитывать на то, что формальный отказ от Болонской системы и возвращение специалитета в высшем образовании устранил проблемы? Каковы они – эти проблемы? Насколько глубоко поражена болезнью академическая система? Способна ли она к самоисцелению, как функционирует гуманитарная наука? По каким внутренним законам существует академическая бюрократия? И что нужно сделать для исправления положения?

1. Внешние проблемы и противоречия

«Упрекай друга наедине, хвали — публично».
Солон

В минувшие два десятилетия дискуссия о науке и образовании в России велась по двум направлениям: структуры и люди.

На изменение структур и сопутствующих им механизмов работы были направлены многочисленные оптимизации – ухудшения системы и её элементов посредством удаления «лишних» образований, усложнения или грубого упрощения процессов, включая их формализацию (культ отчетности и вера в преподавателя как репродуктор информации). Вопрос о людях рассматривался с точки зрения восторгов или разочарований в их психическом и моральном состоянии или наличия у них формальных компетенций, достаточности или недостаточности вознаграждения их труда и достаточности или чрезмерности их формального социального статуса.

С одной стороны систему науки и высшего образования в России подтачивали и прямо атаковали приверженцы неолиберальной экономической доктрины. С другой стороны – её пытались защищать работники деструктивно оптимизируемых учреждений, различные активисты-общественники, добросовестные чиновники и дальновидные предприниматели-промышленники. Примером столкновения атакующих неолибералов и отбивающихся «академиков» была реформа государственных академий наук в

России в 2013-2018 годах. Две отраслевых академии были влиты в Российскую академию наук (РАН). Было создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) – бюрократический орган управления наукой и её хозяйством (особенно недвижимостью), не переживший из-за скандалов и критики 2018 год, и замененный Министерством науки и высшего образования.

Производились: реструктуризация научно-образовательных структур, формализация и бюрократизация работы их сотрудников.

В российских ВУЗах и научных институтах увеличивалось количество различных административных кадров и сокращалось число преподавателей и исследователей. *Бюрократический аппарат среднего российского ВУЗа вырос с советских времен примерно в три раза. В некоторых столичных ВУЗах доля не связанных с образованием и исследованиями кадров составляет 65%.* Менеджмент подчинил себе преподавательские и научные кадры в различной форме, не обязательно напрямую, но и при помощи отчетности, меняющихся многообразных форм бумаг, требуемых для тех или иных действий или их согласования. Однако, проблема едва ли достаточно осознается. Причина – особенность мотивов большей части научно-преподавательских работников, воспринимающих всё как норму.

РАН регулярно подчеркивает: государственное финансирование науки и образования следует увеличить. Президент РАН Александр Сергеев в ходе общего собрания членов РАН сообщил, что расходы на фундаментальные исследования в 2023 году следовало бы поднять с 0,18% до 0,27% ВВП¹. Это едва ли могло произойти. Министр финансов Антон Силуанов в феврале 2023 года заявил: «Нам нужны конкретные результаты с точки зрения контроля за теми инструментами бюджетного финансирования, которые у нас есть. Нам нужно усилить контроль за другими видами бюджетных средств, которые выделяются на науку, чтоб были результаты, а не отчеты о публикациях»².

В 2023 году сохранялась общая логика процесса: Силуанов лишь предлагал усилить бюрократический контроль над бюрократическим контролем, построенном на выполнении строгих требований закона по бюрократическому контролю и процедурам в науке и высшем образовании.

С точки зрения обычного гражданина ситуация не выглядит понятной. Он лишь постоянно слышит от одних, «денег на науку» надо больше, а от других, что

---

1 <https://nauka.tass.ru/nauka/14789513>

2 <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/02/08/962229-siluanov-prizval-usilit-kontrol>

«денег выделяется достаточно». Создается ощущение, что вопрос о развитии российской науки и высшего образования есть вопрос бюджета. Будет больше финансирование – большими будут результаты? Будет меньше финансирование – будет меньше успехов и больше затруднений? Проблема в том, что на эти вопросы нет однозначного ответа. Меры по повышению заработной платы преподавателям ВУЗов обернулись сокращением целых кафедр и пластов специалистов, чтобы высвободить средства, которые в немалой мере были отправлены ректорами на оплату администраторов.

Российское общество не заметило этой проблемы, которая не осознается вполне и правительством. Академические чиновники вообще, видимо, поняли указание Президента вернуться к специалитету в высшем образовании как распоряжение соединить болонские звенья бакалавра и магистра, вернув старое название. Некоторый откат оказался возможен и в программах обучения, чтобы уложить его в 4-6 лет. Не более того. Едва ли следует предполагать и деbüroкратический откат процессов, когда обучение и оценка студентов будут производиться не в болонском духе, и не на основе приоритета контроля над качеством.

Не видно никакой административной или академической рефлексии относительно состояния российской науки и высшего образования по итогам деградации её в постсоветский период и неолиберального реформирования, усугубившего положение. Любопытно, что общество не сигнализирует наверх о проблемах, поскольку, видимо, их плохо сознает. Ему присуще формальное отношение к высшему образованию, когда диплом или диплом определенного ВУЗа более важен, нежели сам процесс обучения и его содержательный результат. Неясны обществу и многие исследования, включая откровенно вредоносные – неолиберальные гуманитарные проекты. В 2023 году они никуда не исчезли. В 2024-2025 годах тоже не собираются исчезать.

Особой проблемой является *восприятие значительной частью общества научных и преподавательских работников как образованных паразитов. Это более всего касается гуманитариев, но не распространяется на школьных учителей и преподавателей колледжей. Общество во многом восприняло в последние десятилетия утилитарный подход к высшему образованию, что согласуется с неолиберальным его пониманием: профессор-репродуктор сообщает информацию, которая может быть полезной или бесполезной, её следует вовремя запомнить на долго или быстро забыть после экзаменов.*

Главным является не понимание и не умение добывать знание самостоятельно (тем более новое знание), а некие алгоритмы работы и – естественно – диплом.

Общество положительно оценивает отечественные научные разработки, одобряет людей и структуры давшие такой результат. Примером может служить гордость за создание в России собственных средств от коронавируса: исследование аналитического центра университета «Синергия» показало, что 64% граждан считают широкое распространение отечественных вакцин от COVID-19 повышающим авторитет России на международной арене, но четверть опрошенных (25,4%) так не считают, остальные воздержались от ответа³. Однако, проводились ли опросы о том, сколько россиян одобряют отечественные «гендерные исследования» за счет государства или иностранных фондов? Впрочем, это никакие не исследования. Это пропаганда ЛГБТ, спускаемая в ВУЗы из профильного министерства. Преподается студентам.

Опрос об отношении россиян к почти повсеместному преподаванию американской экономической идеологии «Экономикс» под видом науки даже не нужно проводить. Граждане проголосовали рублем: Банк России зафиксировал по итогам 2022 года передачу гражданами мошенникам 14,1 млрд рублей, что является рекордом с 2019 года⁴. Это можно считать «достойным» итогом многолетней борьбы с финансовой неграмотностью при помощи школ, колледжей и ВУЗов, где особенно активно преподают «Экономикс». *В итоге дефицит экономических знаний только возрастает.* Впрочем, осознает ли общество серьезность проблемы существующего экономического образования и её важность для своей весьма активной экономической жизни в последние десятилетия?

Беда российской науки и высшего образования более всего в том, что «низы» и «середина» в виде самих академических кадров не могут описать узел противоречий и проблем. «Верхи» в виде грандбюрократии – узкого руководящего государством слоя склонны идеализировать систему науки и высшего образования, корректируя её точечным образом, что не снимает основных проблем.

---

3 Исследование показало отношение россиян к отечественным вакцинам / <https://ria.ru/20210409/vaktsiny-1727463167.html>

4 Россияне сдали мошенникам рекордные Р14 млрд / <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/02/15/63eb5da89a794701b759621f>

Президентский проект для талантливых студентов «Сириус» может служить примером идеализации собственных усилий при дефиците понимания проблем системы вообще, тогда как они могут уничтожать результаты старательной и дорогостоящей работы. Пройдя круги мотивирования и погружения в различные сферы знания и творчества на базе «Сириуса», вдохновленные общением со многими талантливыми людьми, молодые ученые могут оказаться в обычной российской аспирантуре. Здесь они обнаружат: 1) убивающую мотивацию и отнимающее время «обучение»; 2) детализированную и нудную отчетность; 3) массу требований по формальным конференциям, публикациям ВАК и РИНЦ; 4) безразличие научных руководителей и стремление кафедр, а еще более аппарата ВУЗов сбросить всю бумажную рутину по аспирантам на самих аспирантов при господстве чудовищного формализма.

Ситуацию ухудшают изменения требований, исходящие от Министерства науки и высшего образования.

За 3-5 лет «обучения» в аспирантуре, предпредзащиты и предзащиты молодые ученые узнают, если повезет туда попасть не платно, что им светит ранг «кандидат» - не исследователь, а претендент на звание «доктор» (изучающий ученый). За рубежом с меньшей мукой они получили бы докторскую степень. Разочарует молодых претендентов канцелярский язык, который будет требоваться для изложения еще живых мыслей, имитационный характер дискуссий и отчужденность от публики формально научных изданий. Больной организм начнет отравлять молодой и живой разум, без которого российской науки не продвинуться вперед.

Обычный взгляд на науку и высшее образование предполагает оценку структур, кадров и форм выражения их деятельности и её результатов. Здесь опираются на рейтинги ВУЗов, послужные списки преподавателей (как правило не сообщающие их научную позицию) и формальные отчеты. Все это может дать картину, если и реальную отчасти, то мало содействующую в исправлении системных пороков. А именно это требуется для решения проблем и развития российской науки и образования.

2. Выразитель пороков: природа псевдонаучного языка

«Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину того, о чем он собирается говорить?»

Насколько велик русский язык, настолько же плох академический язык в гуманитарных и общественных областях знания России. Проникает последний и в естественные и технические науки. Запутанность изложения, избыток ненужных терминов и общее усложнение простого — таковы внешние проявления этого псевдонаучного, наукообразного языка. Пороки эти были бы переносимы, если бы тихо отмирали. Но они воспроизводятся вновь и вновь во множестве псевдонаучных, псевдоучебных и просто академических «аналитических» текстов. От этой проблемы принято брезгливо отмахиваться, но она является индикатором состояния науки и образования. Она открывает важнейшую, человеческую сторону процесса.

Плох ли, хорош ли язык изложения — создают его люди. Одни стараются писать просто и ясно, избегая пустых слов и оборотов. Другие поступают наоборот. Они громоздят горы тяжелых, нечитабельных предложений, наполняют их неоправданно сложными категориями и туманными отступлениями. Примечательно: некоторые авторы таких произведений не просто перетаскивают в свои тексты как можно больше иностранных терминов, но придумывают новые понятия. Они могут брать иностранное слово в русской транскрипции и вкручивать его в свои тексты. Как приятно бывает после поговорить о научной новизне этих понятий, якобы позволяющих нам куда-то проникнуть.

Пример псевдонаучного текста: «Интегральные возможности городского развития могут быть расширены за счет новых факторов, обеспечивающих преобразующий эффект в рамках современной парадигмы». Однозначно нельзя сказать, что имел в виду автор этих строк, так как абстрактность его слов не заземлена примерами. В общественных науках не стесняются включать подобные обороты в записки, идущие по линии экономических или иных ведомств. В министерских аппаратах болезненно воспринимают рекомендации начальства поработать с такого рода «научными предложениями».

В биографиях многих формальных ученых можно встретить указание: автор нескольких учебников. В последние десятилетия в России были написаны горы низкокачественных учебников или учебных пособий. Иные из них проникали в школы. Новый учебник де-факто копирует старые, но должен давать новые выражения, «инновационную подачу темы». Действуя по этой логике, авторы учебников легко превращают простое в бессмысленное и сложное. Формулу

«от перемены мест слагаемых сумма не меняется» они способны переделать примерно так: «Изменение местоположения элементов операции суммирования не ведет к изменению первоначально возможного результата расчетов». Подобные «улучшения» падают на головы учеников школ, студентов колледжей и ВУЗов.

Другим частым недостатком учебников/учебных пособий по гуманитарным и обществоведческим дисциплинам является подмена предмета: фактически они наполняются *историей идей* по поводу заявленной темы. Раскрытия природы данного предмета в них не найти. Так, например, в учебниках/учебных пособиях по социологии по определению предметом является общество, в том числе - современные общественные процессы. Однако чаще всего в них обсуждаются разного рода обществоведческие концепции, и, в большинстве случаев, устаревшие. Иначе говоря, *наука подменяется историей науки*, а философия – *историей философии*.

Россия в последние годы пережила множество скандалов из-за качества учебников и учебных материалов. В высшем образовании их было меньше. Политолог Владимир Киреев так описал причину этого: «Наши студенты, к счастью, редко читают всю эту безобразную гуманитарную литературу, пропитанную духом неолиберализма, а часто и прямой отработки западных грантов. Это их неуважение якобы к научной форме, имело положительные политические последствия – студенческая масса не поддавалась прозападной агитации. Но вредные представления следует сменить на полезные, *ВУЗам нужна гуманитарная учебная литература нового качества* и во многих случаях принципиально иного содержания».

Если анализировать тексты научных статей и монографий по темам гуманитарно-общественного знания (экономика, социология, философия, политология и т.д.), то выделяются следующие проблемы: 1) избыток терминологии и компиляций теории в качестве замены обоснования тех или иных тезисов; 2) ставка на непонятные громоздкие предложения, где бессознательно или умышленно автор запутывает мысль (молодых ученых учат писать не кратко и ясно, а «искусно»); 3) сложными предложения любят начинать абзац, что является базовой установкой быть непонятым, тогда как короткие предложения в начале абзаца втягивают в понимание (в хорошем тексте большое предложение — кульминация, до которой необходимо подняться через ряд малых логически связанных фраз); 4) склонность к большим абзацам, затрудняющее восприятие информации.

Можно выделить следующие причины подобного положения. Во-первых, это говорит об отчужденности от общества, которое не привыкло в прессе, популярной литературе и в блогах встречать подобное изложение, но авторы тяжеловесных форм этого не знают – они от народа далеки. Во-вторых, личные психические проблемы, удаляющие индивида от социума. Особое значение имеет концептуальное *понимание науки как страдания*, что распространяется на стиль и методы преподавания, и на административную организацию дела.

Познание как страдание	Познание как удовольствие
<p>Познание есть благо в себе, исключаящее удовольствие. Для направления людей к этому благу следует отучить их от легкого отношения к познанию. Знание не должно обретаться легко и с удовольствием. Познание есть путь душевного страдания, самоограничения, несчастья в личной жизни и иных тягот. Только приняв эти тяготы и сопутствующее им угнетенное моральное состояние, и, возможно, ограничив себя во всем, человек может продвинуться в науке, как её потребитель, приобрести знания и получить диплом. Сами исследования в науке являются трудным делом, предполагающим отказ от ориентации на удовольствие.</p>	<p>Важнейшие научные открытия были сделаны по причине интереса ученых. Исследования доставляли им удовольствие и это определило успех, поскольку создавало мотивы для него — внутренние побуждения. Потому получение знаний в учебе и новых знаний как таковых должно быть приятным и увлекательным делом. Несчастливый в силу ориентации на страдание (в садистском или мазохистском ключе) человек не способен ни делать великие открытия, ни делиться знанием. С таким настроением невозможно и получить знания качественно. Негативные стимулы могут образовать ремесленника, но не исследователя и не ученого, способного пробудить в других людях любовь и преданность к науке.</p>

Если бы бессознательные приверженцы садомазохизма в науке и образовании могли рассуждать, они рассуждали бы примерно так: если ты, странник в мире людей, взялся за серьезную книгу с трудным и часто громоздким заглавием, ты должен быть готов к тяготам познания, ибо познание не есть благо в себе, оно исключает удовольствие, оно несет в себе страдание. Потому, добавили бы они, нацеленному на знание человеку следует напряженно думать над всякой фразой автора такого труда, который и зовется справедливо — труд.

Древнегреческий философ Протагор учил: «Кто ясно мыслит — ясно излагает». А тот, кто пишет путаным, малосодержательным и крученым языком, явно так же и мыслит. Его размышления носят вынужденный, не вполне добровольный характер и потому его труд является отчужденным и создает интеллектуальный продукт проблемного качества. С точки зрения образования, это создает огромные трудности: демотивирует студентов и молодых ученых, формируя устойчивое отрицательное отношение и к людям в той или иной отрасли науки

и образования, и к их деятельности, и к её формальным результатам. Но нет ли здесь подсознательного демотивирующего посыла, своего рода мести новым людям в познании за недобровольность личного к нему приобщения?

Есть здесь и демонстрация собственного превосходства, воли, приведшей к образованности, званиям и должностям в академической системе государства. Воля – способность терпеливо заниматься нелюбимым делом, без намека на удовольствие от него самого, с преимущественно формальными результатами (ранги, количество монографий, статей, грамот, грантов и т.п.) – внушается новым поколениям граждан, от которых общество ожидает совсем иного. От них требуется иная воля: увлеченное устойчивое творческое занятие наукой ради удовлетворения собственной любознательности, общественной пользы, мирового и национального прогресса. В образовании такой подход означает проповедь новым поколениям любви к знанию и созиданию.

Серьезнейшая проблема российской академической системы в том, что и до неолиберального её реформирования, и после, в зонах, подвергшихся ударам и оставшихся во многом вне их, царит ремесленный подход к делу. *Профессия ученого понимается большинством как экономическая профессия*, не как вид творческой деятельности, выбор которой порожден внутренними мотивами и ими более всего поддерживается (этим создается научная честность, которая как правило отсутствует у наемных ученых). Это меньше касается естественно-научной сферы, и является колоссальной проблемой для общественных наук.

Сокращение числа аспирантов, кафедр и занятых на них преподавателей, усложнение получение научных степеней, внедрение в научно-преподавательскую сферу постоянной детальной отчетности при ставке на принудительные публикации в формально научных журналах создали *режим закрытой профессии*. Ученый еще более отдалился от общества, включая и его экономические структуры. Он предстает ныне представителем обособленной касты, занятой малопонятной и непродуктивной деятельностью.

Не удивительно, что это порождает обособленный от общества и системы управления государством академический язык. «Изложено слишком понятно, это не академический формат, так пишут за рубежом, у нас – не принято», - такие оценки иной раз приходится слышать талантливым аспирантам, которые из-за упрямства или по ошибке стараются ясно излагать свои мысли, чтобы они могли быть поняты широким кругом граждан. *Исправить положение можно было бы принудительным возвращением академических сектантов на публику.*

Преподавателей и ученых, не связанных с секретной работой, следует *обязать вести личные открытые блоги*. Подобное практикуется, например, в Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). Логика такова: если преподавателю нечего сказать людям - он плохой преподаватель и едва ли что-то полезное сообщит студентам, тем более если привык делать сообщения на плохом устном языке и пишет на академическом псевдоразумном диалекте. Еще один положительный пример: в Финансовом университете (ФУ) при Правительстве Российской Федерации практикуется премиальное ежемесячное вознаграждение за публичные выступления для экспертов — преподавателей.

Министерству науки и высшего образования России следовало бы поощрять публичную активность и блогерскую деятельность преподавателей ВУЗов и колледжей. Одновременно следовало бы резко уменьшить требования по формально научным публикациям – не поощряя их, поскольку *произошло засорение формально научных изданий схоластическим мусором*. Публикации в прессе должны приравниваться к материалам научных журналов, которым следует научиться конкурировать за внимание «буржуазной публики», которая интересуется научными вопросами, но требует ясности в их освещении, а не быть изданиями формально академических текстов, безразличными даже классу их авторов. К прискорбию, ныне поощряется писание в журнальчики и сборники, которые никто не читает. *Поощряется графомания и скудоумие*.

Эти пороки не интересны обществу и бесполезны для государства.

Проблема языка академического сообщества не есть вопрос лингвистики или логопедии, а выражение проблемности национальной академической системы.

3. Успех неолиберальной реформы: господство формализма и узости

«Настоящий способ мстить врагу — это не походить на него».
Марк Аврелий

Подмена научного языка псевдонаучным академическим языком началась ещё в советский период. *Господствующие позиции в гуманитарной и в технологической сфере псевдонаучный академический язык завоевал* после 1991 года. Ныне им пишутся статьи и книги, и все это сходит за нормальную

деятельность ученых и экспертов. Некоторые особенно «даровитые» даже выучились разговаривать на таком языке. Им кажется, что чем менее понятно они будут выражать свои мысли, тем больший авторитет приобретут.

В настоящее время производство знаний в России подчинено производству формальных показателей. Всякий ученый работает по плану и ориентирован на его выполнение: обязательно нужно опубликовать 3-5 статей в год, в зависимости от вуза и кафедры, на которой работает человек. О поиске истины на своем научном направлении говорить считается зачастую неприлично: редки коллективы (кафедры и лаборатории ВУЗов), в которых существует подлинная научная дискуссия. Она не поощряется. А с того момента, как заведующие кафедрами были превращены в менеджеров запутанной административной деятельности, перестали быть научными лидерами коллектива (многие крупные ученые избегают этой позиции, находя её полностью хозяйственной), работа коллективов погружена в формализм. Цифровизация усилила его, поскольку не отменила формализации образовательного и научного процесса.

При этом, российская академическая наука развивается в условиях рыночной экономики. Однако рыночные механизмы были встроены в академическую сферу с умысленными пороками: социальный статус ученого и его зарплата зависят от индекса Хирша, который формируется на основе количества публикаций в системах ВАК, СКОПУС, РИНЦ – их зачастую приходится покупать. Содержательной разницы между системами нет, они отличаются лишь количеством входящих в эту систему журналов. Чем больше журналов в системе — тем легче в них получить публикацию бесплатно. Чем меньше журналов в системе — тем больше вероятность, что за публикацию придётся заплатить. Стоимость размещения статьи ВАК составляет самое малое 10000 рублей; цена возрастает при высокой скорости выхода публикации.

Ученые оплачивают и участие в конференциях, особенно международных, каковые едва ли могут быть названы действительными конференциями, поскольку не интересны ни публике, ни бизнесу, ни государственным управленцам, а нужны лишь для обеспечения отчетности. Естественно, никакой научной дискуссии такие мероприятия не отражают. Зато они уничтожают возможность дискуссии. Она не подотчетна и не вознаграждается в отличие от формального участия в якобы научных конференциях.

Содержание статей никакого значения не имеет, тем более не имеет никакого значения их общественный резонанс и смысл. Иначе говоря, никакого значения

не имеет, читает ли их кто-нибудь. *Ученые пишут не для читателей. Они пишут для отчетов.* Ценится не публикация в журнале с тиражом в 500 экземпляров — ценится наличие в нём отметки: СКОПУС, РИНЦ или ВАК. Это определяет заработную плату и шанс прохождения так называемого конкурса на позицию преподавателя и научного работника.

Многие академические работники жалуются, что не ощущают своего социального статуса, каковой воспринимают в виде приложения к заработной плате. Им кажется: имей они больший доход от своей профессии, они почитались бы в обществе больше. Это серьезная ошибка в оценке положения. В современном обществе социальный статус приобретается активностью человека в общественном пространстве. И если это имеет место, то доходы становятся уже приложением к успеху.

В упрощенной форме Россия осознала это в 1990-е годы, когда подработка начала давать хорошему преподавателю деньги и уважение. Речь идет не о коррупции, а о сотрудничестве с фирмами, общественными проектами, органами власти, прессой или качественном донесении знаний на частных уроках. Но тут выяснилось: люди, достигающие социального успеха вне границ формальной деятельности в ВУЗе, не могут преподавать на полторы или две ставки, пусть даже их работа высоко востребована студентами. Эта относительно небольшая категория научных кадров стихийно приблизилась к тому положению, которое должен занимать профессор в России как уважаемый и обеспеченный индивид.

Реформа науки и высшего образования была во многом направлена на то, чтобы пресечь это «буржуазное перерождение» советских и постсоветских кадров. С другой стороны, она должна была внедрить рынок в науку и образование России самым нездоровым образом, вызвав деформацию структур и развитие моральных пороков. Именно поэтому, если статью какого-то академического работника опубликовал журнал, в том числе и иностранный, с тиражом в несколько тысяч реально читаемых экземпляров или обширной онлайн-аудиторией, это официально оценивается не как успех деятельности. Это рассматривается как сторонняя бессмысленная активность: реальный успех превращается в академическую скорбь — ученому нет никакого смысла указывать эту публикацию в своих отчетах. Закрытая бюрократизированная каста, чьи правила закреплены профильным министерством, это не поощряет. Преподавателю не полагается за это никакой денежной добавки.

Все это касается и монографий. Не имеет значения, что монография имеет общественный резонанс, в отчетности она занимает такое же место, как и провальная, незамеченная обществом монография схоласта. Общественный статус ученого не переходит в его академическую карьеру. Академический статус исследований и их общественное значение противопоставлены. На что это похоже? Джонатан Свифт в третьей части «Путешествий Гулливера» рассказывал об острове Лапута, жители которого занимались лишь теорией, но пренебрегали практикой. Будучи очень просвещенными, они были оторваны от реальности. Положение в научно-образовательной сфере России едва ли вполне можно описать даже понятием «академическое гетто». Недостает свифтовского теоретического просвещения, зато широко представлена узость.

Реформа науки и высшего образования в России базировалась на культуре узости: узкий специалист должен был прийти на смену будто бы избыточно сведущим кадрам, поскольку неолиберальная концепция будущего предполагала, что преподаватели должны быть живой формой функции озвучивания информации, отделенной от самого знания (отсюда и представление, что кто угодно может что угодно преподавать при наличии текста), а исследователь не должен выходить за границы, определенные для него и отчасти им самим области. Эти представления и такая практика оставляли управление образованием и наукой России особой категории узких специалистов: профессиональных менеджеров, чей профессионализм выражается в готовности управлять чем угодно. Главным было «элитарное образование» и «правильное происхождение» такого управленца, который мог в силу этого рассчитывать на формальное обоснование его назначения на высокую руководящую должность.

Отсюда возникло и представление о правильности для науки и образования узкого успеха. *Узкий успех есть выполнение академическим работником всех формальных требований, при игнорировании его реального социального успеха. Последнее важно для ограничения карьерных возможностей такого кадра, так как они выходили бы за границы концепции прекрасной узости. Широта в разной форме опасна для руководителей подразделений образования и науки, поскольку нарушает застой и выдвигает реальные проблемы и успехи на первый план, тогда как бесконечно господствовать должен формализм.*

Такое положение, несомненно, должно радовать правящие круги США, Англии и ЕС, поскольку именно они лоббировали болонскую реформу в России. Причем, понимали они необходимые им изменения в российской системе науки

и высшего образования гораздо глубже и изощреннее, чем критики этих преобразований. Западные заказчики реформы науки и высшего образования не могли не понимать, что фундамент реформы создают не законы или практики Министерства науки и высшего образования, а накопленные за многие десятилетия пороки академической системы.

И все-таки опыт показывает: *коллективные и индивидуальные исследователи в современной российской академической системе выживать могут*. В этом состоит её главная положительная черта, при всех признаках общественного паразитизма. Воспроизводство исследователей затруднено, но возможность самостоятельного – никак не поощряемого, но и не подавляемого по содержательному признаку – научного поиска высоко ценится теми, кто работал в советской системе. Идеальный контроль почти отсутствует в текущей системе гуманитарной науки и высшего образования, за исключением форпостов неолиберальной мысли. Там он существует в форме кадрового отбора, как это имеет место, например, в Высшей школе экономики (ВШЭ).

Коллективное выживание зависит от государственного заказа и запроса, от грантов и работы на рынке с частными заказами. В сфере гуманитарной науки высшая академическая бюрократия с легкостью разрушает кафедры и научные школы при помощи их «оптимизации». В сфере технического знания, это может быть затруднительно из-за важности работы для различных структур государства и её самокупаемости. Сюда входят система здравоохранения, военное ведомство, различные корпорации с государственным капиталом. Но *фундаментальные естественнонаучные исследования традиционно имеют для высшей академической бюрократии низкий приоритет* и потому плохо финансируются.

Какова была цель неолиберальных реформ в системе науки и образования? Она должна была создать среду, в которой выживает только *наемный ученый* и российских работников науки и образования свести к этой категории. Под наемным ученым следует понимать вовсе не человека на контракте, который при этом заинтересован в увеличении полезного знания как в обществе, так и в академической системе, обеспечивая его прирост. *Наемный ученый – это контрактный специалист в академической сфере, формально образованный работник, для которого договор с нанимателем стоит выше научной истины и пользы для страны*. Истина для наемного ученого, это то, что ему поручено излагать в учебниках, лекциях и семинарах, или доносить публично.

Наемный ученый не должен иметь собственной научной позиции, или она не должна иметь значение для него и академической системы. Поэтому, на сайтах российских ВУЗов в биографиях научных и преподавательских кадров зачастую ничего нельзя узнать о том или ином формально высокоранговом (и не только) ученом. Перечисляются его дипломы, конференции, курсы переподготовки, стаж работы в разных институтах, но крайне редко сообщается какой же является его научная позиция, в чем выражается его вклад в науку – какое новое знание было получено этим человеком, в чем ценность его монографий и докладов. Это, прежде всего, касается гуманитарной области знания, где существуют диаметрально противоположные взгляды на общественные явления.

Оборотной стороной создания класса наемных ученых является дилетантизм его представителей. Отношение к науке как ремеслу, характерное для многих работников научно-образовательной сферы в позднем СССР, в реалиях современной России сужается до понимания ремесла как источника заработка, где (в соответствии с неолиберальной доктриной) преподаватель есть лишь средство воспроизведения информации, оказания образовательных услуг. С точки зрения исследований – это средство оказания исследовательских услуг. Эти услуги могут быть любыми. Каковы они, решает академическая бюрократия через подстраивание к государственной политике и рынок, за который тоже может решать академическая бюрократия. *Задача наемного ученого – исполнить. Задача бюрократии наградить за исполнение и пресечь всякого, кто смеет иметь иную точку зрения,* доказывая, например, что Земля круглая, когда имеется указание, что она отныне должна считаться плоской.

Спасением научно-образовательных кадров является лишь безразличие самой академической бюрократии ко множеству содержательных вопросов. *Бюрократия руководит наукой и научно-образовательными учреждениями не понимая, что есть наука и образование.* Такое понимание совершенно излишне. Неполитическая, «рабочая» бюрократия специфически эффективна. Доказательством этого является расширенное и бесконтрольное воспроизводство ею себя самой.

4. Изучение тупика, «Предприниматель — Организатор — Технолог»

«Управление королевскими апартаментами обходится мне дороже, чем управление государством».

Вывод о том, что академические тексты существуют лишь для того, чтобы существовать, неприятен для сторонников развития России. Но, это не единственный неприятный момент существующей академической системы.

Для анализа сложившегося положения подходит схема, разработанная и используемая в России сообществом игропрактиков. Она называется «Конструкторы сообществ практики». У них есть схема «ПОТ: Предприниматель — Организатор — Технолог», которую они используют как универсальную для анализа организации управления любым проектом. Предприниматель отвечает на вопрос «Зачем?». Только он связан с внешней средой и узнает, какой запрос есть у рынка. Он отвечает за то, чтобы готовый на выходе продукт использовали. Предприниматель — единственный, кто отвечает за привлечение денег. Технолог отвечает на вопрос «Что?». Главная задача технолога — создать продукт. Он думает о свойствах продукта, исходя из собственного представления о том, каким продукт должен быть.

Организатор отвечает на вопрос «Почём? / Сколько будет стоить?» Он думает, сколько ресурсов нужно потратить, считает деньги и время, которые тратятся на создание продукта. Он делает всё, чтобы продукт вышел как можно более дешёвым по затратам и был сделан как можно быстрее.

Каждая из трёх позиций разговаривает с другими на ключевую для них тему:

— Предприниматель и технолог спорят из-за свойств: технолог хочет больше свойств, а предприниматель только те, что важны для рынка.

— Предприниматель и организатор спорят из-за ресурсов: организатор хочет как можно больше, а предприниматель даёт столько, сколько есть.

— Организатор и технолог спорят из-за сроков: организатор их сжимает, а технолог раздувает.

То, что происходит с языком академических текстов и многих вынужденных действий академических кадров, исходя из этой схемы можно обозначить как «кризис употребимости». Неясно, зачем нужны именно такие тексты в таком количестве: их не читают не столько из-за их ненужности, сколько из-за невозможности их читать и применять содержащиеся знания из них. Непонятно

зачем нужны отчеты и планы, если это является бесполезным материалом даже для тех, кто все это требует. Выходит, что ответ на вопрос: «Зачем?» — звучит как: «Чтобы увеличить количество публикаций», «Чтобы выполнить требования по отчетности и её объемам», «Чтобы формально и детально расписать весь курс занятий». Ясно, что ни о какой содержательной ценности текстов, действий или их бумажных результатов речи не идёт, а значит, можно писать что угодно.

«Кризис употребимости» связан с тем, что контроль над системой находится у «организаторов». Организаторы замыкают на себе ресурсы и сжимают сроки. Главное, чтобы показатели росли. Академические показатели в России могут расти, могут стагнировать, могут снижаться. Это не имеет почти никакого отношения к тому, чем реально заняты люди. Это ничего не говорит о том, насколько хорошо (в среднем по стране) ведется преподавательская работа. Об этом точно ничего не говорит, например, прохождение преподавателями программ переподготовки, специальных курсов и тому подобного. Между тем, это дает валовые показатели, которые чиновники Министерства науки и высшего образования могут докладывать наверх, выдавая их за успешные.

Выходит так: 1) чем больше научных статей пишут работники конкретного ВУЗа — тем лучше; 2) чем больше индекс Хирша по стране — тем больше можно ресурсов требовать для поддержания работы администраторов всех уровней, а академическая бюрократия невероятно разрослась; 3) чем активнее и чаще обновляются и расширяются бюрократические требования к научным и образовательным учреждениям и их кадрам, тем более результативной может считаться работа высшего управленческого звена и всей системы Министерства науки и высшего образования, это как бы оправдывает её огромные размеры, её расширение и расширение её вредоносных практик; 4) поступают указания от Президента и главы Правительства по увеличению научных разработок — их фактический саботаж имеет форму увеличивающихся показателей, особенно по полученным грантам, в итоге если частично результаты и достигаются, то огромные ресурсы расходуются в пустую или прямо во вред делу.

Особой проблемой являются попытки сдвинуть нездоровую деформированную академическую систему на рельсы финансовой эффективности. Формы этого различны: приказы академической бюрократии научно-преподавательскому составу добывать гранты, от которых та получает незначительную в сравнении с затратами усилий материальную выгоду, и составлять коммерчески-ориентированные проекты там, где это почти невозможно и никому не нужно.

Перекрестный заказ ВУЗами и близкими им структурами друг у друга различных образовательных услуг и курсов будто бы повышения квалификации выглядит как коррупция.

Администрации ВУЗов крайне редко поощряют индивидуальную научную и общественно-значимую деятельность преподавателей и ученых, их ориентацию на личный профессиональный успех в обществе, включая и материальный успех. *Бюрократия видит угрозу в самостоятельности ученых*, так как они могут вернуть себе контроль над процессами в «своих» учреждениях. Известных ученых непросто «прокатить» в конкурсе, то есть уволить на основе не избрания на должность (имитационной процедуры, едва ли вообще рабочей в системе наемного труда), это чревато скандалом, который могут заметить даже в верхних эшелонах государственной власти, и общественным порицанием ранее незаметного произвола.

Огромная проблема науки и образования (не только высшего) в том, какой ответ его работники дают на вопрос «Кто я?». В теории каждый отдельный участник академической среды может осмыслить своё положение в системе. Но ощупать саму систему оказывается проще, что облегчает адаптацию, которая в конечном итоге обеспечивает *укоренение пороков* этой системы в людях с одной стороны, с другой стороны страхует их доходы – избавляет от риска. Чтобы результат труда работников науки и образования был более полезным и употребляемым другими участниками сообщества и внешней средой ответ на вопрос «Кто я?» должен быть предельно честным, так, чтобы можно было перейти к исправлению себя и своих подходов в науке и образовании.

Этот вопрос прямо задают участникам всероссийского педагогического форума «Крапива». Он проводится ежегодно в Тюмени начиная с 2017 года, и по всей видимости может служить примером одной из рабочих лабораторий по поиску решения академических проблем России на всех этажах образования и во всей бюрократической пирамиде. Одна из задач форума: внесение на публичное обсуждение вопроса об употребимости результатов педагогической деятельности. Если короче — дать возможность учителям найти ответ на вопрос: «А зачем вы вообще работаете?» Ответа на этот вопрос у многих учителей нет: они скорее «просто работают», находятся в деятельности и поэтому не могут отразить свою практику «со стороны».

Обсуждение этого вопроса назрело в силу очевидных тенденций: падение авторитета школы и учителей, появление интернета, как альтернативного

способа получения знаний. Но *не падает ли авторитет высшего образования в России, если его продукты устремлены к формальной карьере и доходам, а не деятельности в той или иной профессии*, что в конечном итоге означает – в обществе, тогда как работодатели зачастую возмущены низким качеством выпускников ВУЗов?

Рефлексия и внешняя критика, это первое, что необходимо в условиях кризиса науки и образования в России. Под словом «кризис» следует понимать момент исторически необходимого для национального развития поворота, а вовсе не тупик неолиберальных преобразований науки и образования, посредством внедрения болонской системы и иных мер. Не видно внутренних причин, исходя из которых можно было бы сказать, что постреформенная наука и образование в России не могут существовать или неолиберальные реформы не могут быть продолжены, а с этим – не могут быть и проглочены «академическим сообществом». При сохранении бюрократической машиной нынешнего вида и её управленческих подходов российская наука и образование могут бесконечно ослабляться под лозунгом оптимизации. *Режим перманентной неолиберальной реформы* способен самостоятельно поддерживаться, если не сломан механизм её бюджетного финансирования, не изменена среда и её социальный характер.

Нельзя рассчитывать на то, что высочайшее повеление академической системе исправиться самой приведет к реальному её оздоровлению. 2023 год показал — этого не происходит. Идея наемного труда, как отчужденной формы деятельности слишком укоренена в среде преподавателей и тотально господствует в возвышающейся над ними системе академической бюрократии. Взятничество, продвижение своих подрядчиков и воровство в верхних слоях бюрократии ВУЗов тоже влияет на ситуацию. А это не редкость.

Особый порок — торговля удачными защитами диссертаций при одновременном отзыве степеней у тех, кто имел неосторожность покупать и получать их в доцифровой век. Покупка удачной защиты готовой кандидатской работы в Москве, в коррумпированном научном совете, стоила в 2023 году 3 млн рублей. Удачная защита докторской — стоит по коррупционной схеме намного дороже. Однако, общеизвестно, что *чем сложнее получить научную степень, тем больше в этой сфере развивается коррупция. Отзыв степеней у тех, кто покупал их в прежние годы поднимает стоимость покупки*, так как формальные требования выросли.

Если бы названные и неназванные пороки были полностью исключены, это не исправило бы главного: *система в большой степени испорчена с точки зрения общественной пользы*. К счастью России, точные науки в лучшем положении. В лучшем положении, например образование и исследования в медицине. Более того, *в медицине существует просто странная для современной российской академической системы ситуация: к преподаванию допущены только люди, которые практикуют и являются мастерами своего дела, обладают опытом, конкретными знаниями и навыками*. Говоря иначе, хирургическим операциям обучает человек, который их делает, а не тот, кто их никогда не делал.

В большой мере в других отраслях преподавания такого нет. Студенты журналистских факультетов, например, жалуются, что большей частью их учат писать статьи или репортажи те люди, которые этим не занимаются и делать этого хорошо не умеют. Зато такие преподаватели имеют академические ранги. Подобное просочилось и в преподавание инженерного дела. В итоге молодые инженеры-металлурги могут не знать долей углерода в стали и чугуне, порой рассказывая на собеседованиях невероятные вещи. Например, о том, что в чугуне содержится 40% углерода. А ведь их учили остепененные лица.

Поэтому проблемы гораздо серьезнее, чем это кажется противникам болонской системы с бюрократическими рецептами. Еще одна комиссия, еще одно поручение сверху, еще много указаний министерств оставят болезни науки и высшего образования в их глубине, пусть в дипломах выпускников ВУЗов и будет написано слово «специалист» вместо слов «бакалавр» и «магистр». Все это необходимо изменить. Но прежде, следует обратить внимание и на иные проблемы научной и образовательной системы в России.

5. Механика отрицательного отбора и её устойчивый результат

«Европейские учёные, в большинстве своём прирождённые придворные лакеи»
К.Маркс

Зачем нужно высшее образование? Зачем оно было придумано в античности и какие задачи с его помощью изначально решали люди? Инженерные знания, которые можно было приобрести в Риме и ином крупном городе Римской империи или медицинское образование, отлично преподававшееся в Александрии подле Египта, не считались высшим образованием. Это было специальное престижное обучение, тогда как высшим образованием было

изучение философии (лучше всего в Афинах) или риторики (предпочтительно на острове Родос). Смысл высшего образования состоял в многообразной деятельности, к которой становился пригодным его обладатель.

Если говорить о реальном высшем образовании в контексте триады «Предприниматель — Организатор — Технолог», то высшее образование есть способность выполнять любую из функций этой пирамиды, осваивая сложные новые знания самостоятельно или при помощи консультантов. Суть неолиберальной реформы науки и образования в России состояла в том, чтобы *отодвинуть от реального высшего образования как можно больше людей и вообще опустить уровень грамотности* (включая и техническую грамотность, столь важную для возрождения производства), а преподавательский состав понизить в качестве, обманув его при помощи охоты за формальными рангами.

Фактически научные и преподавательские кадры были понижены до уровня технологов, которым в лучшем случае следует отвечать на вопрос «Как?». Над ними было позволено вырасти классу организаторов, подчиняющему преподавание и науку себе как непосредственно, так и в формально-бумажном виде. Были созданы и отчасти возникли естественно — в силу кризиса советского общества — механизмы, делающие употребимость создаваемого в академической системе продукта малопонятной и не важной для профессиональных организаторов. Система во многом отрывалась от общественной жизни, в том числе и от экономической.

Однако здесь имелись и здоровые возможности, только не для всех пригодные.

В системе формальной отчетности каждый конкретный учёный должен решать, ради чего он работает: «Чтобы увеличивать количество публикаций или писать то, на что есть запрос? А если писать под запрос — то сколько будет стоить времени-сил такой текст? Ведь нужно успевать ещё и работать на полторы-две ставки». Появилась возможность откупаться от формальных требований, оплачивая публикации и фиктивные конференции, выдающие сертификаты. Содержание научной работы такого ученого никого в академической системе не интересовало; оно не поощрялось, но и не подавлялось из-за содержания, если не привлекало внимание какой-то политической стороной или не вступало в конфликт с важными заявлениями той или иной академической структуры. Репрессии могли последовать мгновенно: научные и преподавательские кадры как наемный персонал могут не получить продление контракта, не избраться по фиктивному конкурсу (*реальные конкурсы при в целом нездоровом состоянии*

системы только ухудшили бы ситуацию), на них могут быть поданы жалобы начальству. В отсутствие реальной коллегиальности реально ориентированных на исследования и просвещение специалистов жертва притеснений беззащитна.

К счастью, подобные инциденты не были широким явлением. Отчасти здесь оказывала влияние низкая оплата труда преподавателей и ученых, которые часто вынуждены были работать на полторы или две ставки, что исключало для них возможность поддерживать свой исследовательский интерес. Только *уход в общество – в коммерческую сферу, публичную экспертизу, корпоративный, политический или иной консалтинг защищал ученого в материальном плане*. Но именно это привело к вымыванию немалого числа наилучших умов.

Наблюдение за академическим языком остается крайне важным источником информации о состоянии научной и образовательной сферы России. Обращает на себя внимание, что *применимость как не интересовала, так и не интересует авторов тяжелых академических творений в гуманитарной сфере*. Зато многие из них обучают других людей, прививая им особый академический язык и механизмы имитации рассуждений. Подобный язык функционально важен для академической системы. Он позволяет скрывать дефицит новых идей, убогость содержания и даже нулевую научную ценность тех или иных «новаторских работ», за которые авторы-неолибералы и в 2022 году получали миллионные премии (например, по философии). При этом *академическая бюрократия далека от мысли побороться за исправление языка в науке и образовании, так как и сама она укрывает от высшего начальства бессодержательность собственной механической работы*.

Изменять язык возможно только со стороны общества: общественное порицание псевдонаучных опусов будет действеннее инструкции министерств, но для этого общество должно столкнуться с «наукой», иначе говоря – интересы так должны разойтись, что это дало бы преобразующие последствия. Но не должно ли само общество предварительно измениться, отбросив мнимые ценности и заменив их реально важными? Не должно ли оно потребовать от образования не диплом, а качество в виде изменения самого обучаемого, превращение его в человека с реальным, а не формальным высшим образованием – способностью и умением осваивать и создавать новое знание и новые практики.

Гуманитарная сфера особенно важна. Прошли времена, когда философ-обществовед-историк-филолог владел русским литературным языком.

Хороший пример – произведения Е.В.Тарле, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, М.Н.Покровского, А.З.Манфреда, Е.В.Ревуненкова, В.П.Илюшечкина, Б.Ф.Поршнева, П.А.Сорокина, Н.Д.Кондратьева, Е.С.Варги, Л.А.Мендельсона: кроме того, что все это — выдающаяся наука, это еще и великолепная, полноценная литература. Ее интересно и вкусно читать. Сейчас, *в академической среде работать над языком почти не принято*. Некогда: *главное — количество публикаций* при обеспечении имитационного перекрестного цитирования с коллегами; отчеты превалируют над стремлением найти аудиторию и дать ей важную информацию. Хотя, следует признать: не все статьи/монографии пишутся не для читателей, а для отчетов. Но это скорее форма сопротивления или игнорирования устоев академической сферы.

Сложившаяся ситуация ни в коей мере не удивительна. Власть в академической системе России оказалась у людей, занимающих позицию организаторов — чиновников-бюрократов. Каким ещё в этой ситуации мог оказаться язык? Только бюрократическим. Сама *научная публицистика стала формой отчёта*. Такие тексты существуют для того, чтобы существовать. Но сколь бы ни были бессмысленными формы применения языка, сам он многое сообщает о содержании академической работы: естественные науки могут быть связаны с реальной жизнью через конкретные заказы со стороны производства, что дает им частичную защиту от бюрократии и имитации, — *общественные же науки в современных условиях обречены на воспроизводство общественных мифов и их фабрикацию*.

Однако в этом проявляется не только механика написания наукообразных текстов и столь же наукообразные академические устные выступления.

Ученый-обществовед может иметь заказ от конкретных социальных сил в виде грантов, но он лишен мотивации учитывать общественный заказ, то есть общественные потребности и объективную общественную реальность, особенно, если речь идет о еще не устоявшихся, едва возникших тенденциях. Скорее наоборот: он мотивирован их не учитывать. Проще встроиться в идеологический мейнстрим и «гнать гениальное» (А. Седов). Вот почему *общественная наука в России до сих пор упрямо воспроизводит либеральную понятийную сетку*, усвоенную еще в конце 80-х — начале 90-х: «демократия-тоталитаризм», «политический режим», «гражданское общество», «политическое участие», то есть, весь этот политизм — по аналогии с экономизмом — лишенный даже намека на историчность.

В экономике царит американская идеология, воплощенная в учебнике «Экономикс». Лучшее, на что пока были способны академические экономисты, это дать гибридный учебник, не отметая установившихся мифов и подходов к анализу. Возникающие у авторов понятия не раскрывают сути общественных процессов, а лишь запутывают. Затуманивание вопросов углубляется год за годом.

Гуманитарная наука работает вхолостую, она выполняет не свои собственные, а идеологические задачи. Говорить же в академической среде об общественной значимости (в духе В.Г.Белинского) проводимых исследований, равно как и о том, что последние должны предшествовать всякой публикации — стало давно неприличным. Имеет значение только количество полученных грамот и дипломов, число посещенных с выступлением конференций, пройденных «повышений квалификации» и количество публикаций в изданиях, которые формально доступны широкому читателю, но на деле являются «братскими могилами» авторов. Все они должны быть оригинальны в самом узком смысле.

Основной заботой данной системы оказывается борьба с плагиатом. Подобно тому, как коррупция одновременно есть результат и проклятие капитализма, так и здесь *плагиат провоцируется самой системой*, поскольку она заставляет авторов гоняться за количеством публикаций (отражающих их однообразные устные выступления). Причём, инструменты борьбы с плагиатом учитывают только формальный плагиат, но отнюдь не содержательный, тем более, не самоплагиат, когда автор размазывает две-три собственные оригинальные мысли на десятки статей, в которых смысл идей теряется. Подобным образом происходит в гуманитарной науке в виде *размывания смысла посредством лекций*.

В итоге в российской академической науке *стабильно работает механизм отрицательного отбора*. Чем больше формальных показателей — тем менее значения придается новизне и содержанию научных работ — тем больше в научной продукции графомании, спекуляций, клише, повторов. В этом можно убедиться, открыв почти любой журнал по общественным наукам. Есть исключения, им допустимо радоваться, но они лишь чётче позволяют заметить сложившиеся тенденции.

Следует констатировать, что отрицательный отбор за долгие годы позднесоветского кризиса науки и образования, периода безденежья 1990-х

годов и последующих неолиберальных реформ создал *систему, которая не способна сама себя исправить или скорректировать.*

Неолиберальные деятели десятилетиями утверждали: в России слишком много ученых, что не соответствует её статусу в мировой экономике – низкому и не должному повышаться. Поэтому они лоббировали политику сокращения числа ученых. Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, численность персонала в российских исследовательских организациях с 2011 года по 2020 год сократилась на 7,6%, достигнув 679,3 тысяч человек. Доля кандидатов наук (претендентов на звание исследователя – доктора) в 2011-2020 годах сохранилась на уровне 22%, а непосредственно имеющих формальный статус исследователей – ученую степень докторов наук осталось 7%⁵.

С 2010 по 2019 годы количество аспирантов в России сократилось почти вдвое. Уменьшилась доля аспирантов, которые после окончания учебы защитили диссертацию: в 2020 году это сделали лишь около 9%⁶. Впрочем, ситуация с защитами постепенно немного улучшилась: в 2022 году из числа завершивших аспирантуру (официально – обучение в ней) 13,9 человек 12,9% защитили диссертации⁷. Однако, в российских ВУЗах резко сократилось как число аспирантов, так и число лиц, закончивших обучение в аспирантуре. В 2010 году аспирантуру завершили 33,7 тысячи человек, а в 2019 году только 15,4 тысячи человек⁸. То есть с 2010 года по 2022 год количество окончивших аспирантуру упало в 2,42 раза. При этом *в России не было создано обширной параллельной системы магистратуры управления, равной аспирантуре, но ориентированной на подготовку практиков.* Ученые советы сокращались и сокращаются. Они зачастую свирепы с серьезными исследованиями и пропускают схоластику.

Сокращение конкурентных условий усиливает отрицательный отбор. Он в свой черед производит отрицательный отбор как последствие, меняющее систему в худшую сторону с каждым годом всё более и более.

Другая проблема: система науки и высшего образования продолжает меняться в худшую сторону под влиянием спонтанной активности академической и научно-образовательной министерской бюрократии. Российское государство вошло в эпоху острого и крайне опасного

---

5 <https://nauka.tass.ru/nauka/12652151>

6 <https://nauka.tass.ru/nauka/11194719>

7 <https://rg.ru/2023/05/15/aspiranty-stali-chashche-dovodit-obuchenie-do-dissertacii.html>

8 <https://nauka.tass.ru/nauka/11016927>

соперничества со старыми центрами капитализма на Западе. Это диктует проведение *контрреформ*, изменений в различных сферах для устранения последствий застоя и неолиберальных преобразований. *Наука и образование – одна из важнейших сфер, где нужно произвести исправление положения.*

Задача настолько сложна, что не может быть решена механическим образом и на основе упрощенных представлений. *Невозможно решить эту задачу через увеличение бюджетных ассигнований на науку и образование, ничего в них качественно не меняя.* Опасными и вредными могут быть сокращения структур и кадров без проникновения в проблематику их работы или имитации оной. *Еще опасней – самореформирование системы, на которой порой настаивают её высокопоставленные представители.* Необходимо помнить, что образование и наука существуют в России для обеспечения общественного развития.

Изменения в системе должны быть правильно сбалансированы. С одной стороны, она должна стать более полезной государству. С другой – обрести внутренние (не ложные как ныне) механизмы поддержания активности.

6. Сложный вопрос Академии наук, экзаменов и свободы

«Даже лучший микроскоп не будет способствовать развитию науки, если его держать в шкафу».
Людвиг Гиршфельд

Осенью 2023 года МК сообщил: «Российская академия реформирована, обезоружена, превращена в клуб ученых»⁹. Минуло десять лет с момента подписания Президентом Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук...» (27 сентября 2013 года). Но перевод всех институтов, подведомственных РАН, во вновь созданное ФАНО (Федеральное агентство научных организаций) не состоялся. В сфере точных наук направление работы академиками оказалось не бесполезным, что вскрыло проблемность идеи превращения РАН в клуб ученых. Впрочем, идея с клубом провалилась, ибо смешение ученых с псевдоучеными никак не может дать функциональный клуб. С другой стороны, это исключает и хорошую работу АН как государственного органа направления науки.

Бюрократическая реформа не исправила РАН, но она её и не разрушила. Если бы ВУЗы были на деле университетами (с самоуправлением и функциональными коллегиями разных уровней без избыточной иерархии и при наличии демократических процедур), они смогли бы принять на себя больше исследовательской работы. Проблема РАН в том, что фундаментальная наука —

---

⁹ <https://www.mk.ru/science/2023/09/27/reforma-ili-unichtozhenie-kak-izmenilas-ran-za-gody-sobstvennoy-perestroyki.html>

область нестандартных решений, и свобода воли, автономность работы есть первое необходимое условие успеха. Не верно представлять дело так (как это было во времена СССР), будто всякий академик может направлять работу подчиненного ему института и это даст положительный результат.

Иная проблема — министерская оптимизация. С 2013 по 2023 годы, согласно данным Института проблем развития науки РАН, она уменьшила «число персонала, задействованного в научных исследованиях, сократилось в России с 735,4 до 655,4, почти на 80 тысяч»¹⁰. По этим данным сложно судить о том, снизилась ли эффективность исследовательской работы, поскольку в ней и до 2013 года, и после него было очень много имитации, особенно в гуманитарной области. В итоге ясно, что направляющая роль РАН в точных науках имеет значение, хотя требования практические — исходящие от министерств могут быть в современных геополитических условиях более важны, тогда как в области общественных наук от РАН может быть в основном вред. Кадры, что в немалой мере пробрались в гуманитарные академики совсем плохи.

Общественные науки надо из под крыла РАН полностью выводить. Здесь роль направляющей должны играть: 1) университеты, то есть реконструированные и очищенные от избытка бюрократии и бюрократизма ВУЗы; 2) министерства с их запросами и заданиями; 3) общественные структуры. Имитация научной деятельности, каковой является и сама чисто формальная активность, например, членов-корреспондентов РАН занятых политологией, философией или экономикой, не должна открывать путь к привилегированному статусу.

Среди академических консерваторов существует представление о РАН как о штабе науки, каковой не должен опускаться до уровня клуба учёных. Проблема в том, что наука — это не армия, она движется по велению командования. Клуб — есть более здоровая форма объединения ученых; исследования вообще должны быть частью общественного интереса, выражаемого и в форме клубной деятельности. Открытые для всех интересующихся научные общества должны во многом заменить бюрократические иерархические конструкции, как следует заменить иерархические механизмы неравенства.

Академик — это должно быть почетное звание известного успешного в плане открытий ученого; выпускники ВУЗов должны иметь звание кандидатов, то есть претендентов, людей, еще не ставших исследователями (докторами), но являющихся обладателями необходимого верхнего минимума, высшего образования. *Не существует образования выше высшего*, потому в аспирантуре следует не учиться (странная современная имитационная форма расхода времени), а проводить исследование. Научный руководитель (доктор) должен иметь возможность выбирать себе подопечных с единственным формальным ограничением, наличием высшего образования. Выше докторской степени быть

---

¹⁰ <https://www.mk.ru/science/2023/09/27/reforma-ili-unichtozhenie-kak-izmenilas-ran-za-gody-sobstvennoy-perestroyki.html>

не должно. В преподавании следует иметь два ранга: профессор (преподающий доктор наук) и ассистент профессора, то есть помощник преподавателя.

Вступительные и кандидатские экзамены в аспирантуру, отчетность аспирантов в её нынешнем диком формализованном виде следует отменить. Зато научный руководитель должен поручаться за аспиранта, давать гарантию подготовки им исследования за три года. Эти три года — только научная деятельность.

В российской сфере образования укоренилось представление, что контроль есть самое важное. Эта идея напрямую связана с развитием цифровых технологий. Но они в скором времени могут позволить *на заказ генерировать абсолютно оригинальный наукообразный текст*, каковой можно будет упаковывать в форму не только рефератов и курсовых работ (касается гуманитарных областей), но дипломных и диссертационных работ. В этом случае вполне обнаружится бессмысленность ставки на формальный контроль оригинальности. Впрочем, и без того написано множество формально оригинальных наукообразных статей и диссертаций, научная ценность которых равна нулю или близка к нему.

Российской науке необходим возврат к контролю содержания и оценке личных способностей обучаемого и исследователя, не равнозначных способности сдавать те или иные экзамены. Задача очень сложная. Её решения начинается с возвращения школе воспитательной роли.

Данный процесс с 2022 года можно считать запущенным. Задачи его понятны: *необходимо поднять уровень нравственного состояния общества и помочь заложить здоровые основы личности в представителях новых поколений*. Это уже не прежняя неolibеральная линия на отказ от госпитальной функции в школе с декларацией веры, что рынок воспитает лучше. С другой стороны, нужны кадры для производственных секторов экономики, то есть нужны люди, которые могут и готовы учиться, чей потенциал не убит проповедями квалифицированного потребления и формализмом образовательных процедур. Колледжи и технические ВУЗы нуждаются в первую очередь в кадрах, ориентированных на профессию и на обучение как серьезное дело, а не способ обрести диплом. *ВУЗы вообще должны получить поколения ориентированных на познание во имя пользы своей стране, то есть на честные подлинные исследования*.

Если школы будут пространством самореализации детей, то это поможет юным гражданам открыть и раскрыть собственные таланты, попробовать себя в разных направлениях деятельности, а потом определиться с будущей профессией, избрав её как нечто интересное для себя — не чужое. Выбор области научного исследования таким образом не окажется выбором ремесла, как чаще всего было в последние десятилетия, а станет выбором своего дела. Научные работы таких ученых можно будет оценивать не по формальной их оригинальности, а по подлинной новизне знания.

Однако необходимо устранять тяжелое наследие неолиберальных изменений в системе школьного образования: 1) необходимо уменьшить давление проверочных контрольных и экзаменов, сделав последние добровольными — для желающих исправить балы в аттестате, чтобы устранить механизмы демотивации; 2) следует убрать программные перегрузки (избыток бумажных проектов вместо уроков труда), дав детям возможность созидать в школе и дома, полюбив труд — России нужны не прожектеры, а люди дела во всех сферах, включая и науку; 3) надо дебюрократизировать работу учителей, дав им время работать с подопечными классами и в плане культурного воспитания.

Новая волна индустриального развития России требует не квалифицированных потребителей, а людей активных с творческим и созидательным социальным характером. Эти люди должны быть амбициозны, но эти амбиции должны быть направлены на успехи созидания (включая создание нового научного знания), а не обладания лишь материальными благами. В 2022-2023 годах в России наблюдались важные шаги в сторону гуманистического и трудового воспитания в школе, но эти шаги должны быть продолжены. А их плоды не должны быть загублены в нездоровой отечественной академической системе. Председатель Высшей аттестационной комиссии Владимир Филиппов в октябре 2023 года сказал о проблеме искусственного интеллекта: «В диссертации самое главное — новизна. Не всегда, а, может быть, почти никогда искусственный интеллект не может сделать в диссертации. Здесь роль экспертов, внешних ученых очень важна»¹¹. Однако, новизна не имеет никакой ценности, если это не новое знание, а просто формальная новизна. *Наука тонет в формальной новизне.*

Увеличение массы формальной новизны — не проблема. *Проблема, это, когда «эксперты» не стремятся или вовсе не способны увидеть новое знание.* А ведь эти эксперты могут быть и академиками, что ещё раз подчеркивает сложность положения российской науки и образования. Приверженцам формализма и столь же формальной новизны не важно, что студент будет знать и понимать, не важно, что привнесет исследователь, их волнует исключительно внешняя сторона дела. А ещё многие из них понимают свою деятельность как ремесло, не как смысл своей жизни и деятельность, нацеленную на благо общества и государства. Такое мировоззрение формировалось десятилетиями, в ходе коих его носители занимали все более и более высокие и комфортные места в науке.

В период неолиберального наступления на науку и образование в России среди академических кадров не возникло серьезного сопротивления реформам, если не считать оппозиции внутри РАН. Изменения были органически приняты большинством работников отрасли. Это был тест на наличие в стране реального научного сообщества. Сообщество оказалось профессиональным, готовым на

---

11 <https://www.mskagency.ru/materials/3334475>

изменение форм своей деятельности, но едва ли научным — нацеленным на исследования и распространение знаний любой ценой.

Неолиберальные реформы науки и образования не являлись столь уж серьезным вызовом с точки зрения тех, кто продавал свою рабочую силу академической системе (во всяком случае воспринимал всё в таком ключе). Однако, многие работники ВУЗов и научных институтов — подлинные ученые попросту не смогли организовать сопротивление, так как их коллеги в массе были настроены на принятие изменений. Эти люди тяжело переживали созданные по итогам неолиберальной реформы условия работы.

Возникшее положение отлично передает *анекдот о золотой рыбке*, пойманной российским преподавателем. «Взмолилась золотая рыбка: «Отпусти меня, умудренный человек! Все, что попросишь, исполню!» Недолго думая, сказал ей преподаватель: «Составь рабочие программы по всем дисциплинам, они же каждый год меняются. Не забудь про образовательные программы, чтобы каждая компетенция была охвачена, межпредметные связи реализовывались, литература была актуальной — по годам, да и только та, что есть в библиотеке, СРС (*самостоятельная работа студентов* — прим. ред.) детализирована по видам деятельности и чтобы можно было измерить, как формируются компетенции. Обязательно подготовь комплексы оценочных средств по каждой дисциплине. И чтобы не меньше 200 вопросов с открытыми и закрытыми ответами. Заполни индивидуальный план преподавателя и журналы взаимопосещений занятий, консультации. И не забудь пройти за меня повышение квалификации. Составь план профориентационной работы и прими все необходимые профилактические меры, чтобы студенты были воспитанными, без пропусков посещали занятия и, не приведи господи, не попали под отчисление. А также составь план воспитательной работы. К тому же продумай, как обеспечить качественный набор на следующий год, включая иностранцев из дружественных стран, и трудоустройство каждого выпускника этого года, как заключить договоры с высокопоставленными работодателями, чтобы показатели эффективности были выполнены. Отправь студентов на практику и о заданиях с кучей документации не забудь. Подготовь парочку статей в ваковских журналах не ниже K1 и K2 и на всякий случай еще в WoS и Scopus (вдруг руководство передумает и все вернет обратно). И все это сделай к октябрю. И еще не упusti из виду электронные журналы, онлайн-лекции, контрольные точки, а также контент на сайте и «дистанционку». Не забывай при этом о качественной подготовке к лекциям и практическим занятиям с использованием инновационных технологий, о подготовке студенческих проектов и статей на конкурсы и олимпиады. Да, и еще о заявках на гранты не забудь... Упала челюсть у рыбки, и ответила она, не раздумывая: «Жарь!¹²»

---

12 <https://m.business-gazeta.ru/article/612683>

Некоторые сторонники неолиберальной реформы науки и высшего образования в России уверяли, будто она выдавит из академической системы ложных ученых и преподавателей, оставив подлинно преданных науке. Можно считать, что все получилось ровно обратным образом. Контрреформа должна брать это в расчет. Формальные шаги назад не устранят накопленных проблем, поскольку Россия нуждается в исправлении не только новых, но и старых пороков.

7. Среднее образование как средство исправления

«Чем больше человек понимает, тем сильнее в нем желание понимать».

Фома Аквинский

2023 год был в России назван Годом педагога и наставника. В течении него правительство уделило немалое внимание вопросам среднего образования и мерам поддержки учителей, школьников и студентов колледжей. По решению Президента с 2019 года запущен национальный проект «Образование».

Его итоги за 2023 год были таковы: 1 сентября 2023 года, в День знаний, двери открыли 155 новых школ (всего за время реализации национального проекта открыто более 1150 новых школ, обеспечено 670000 мест); до истечения 2024 года намечено построить ещё более 1300 школ, а 4000 школ будет обновлено по программе капитального ремонта; в более чем 4000 школах сельской местности и малых городов были обновлены условия для занятий физической культурой и спортом, а в более чем 36000 школах созданы спортивные клубы (к концу 2024 года спортивные клубы должны появиться в каждой школе страны).

К названному следует добавить, что в малых городах и селах открываются центры образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка Роста» и еще до конца декабря 2023 года по России было открыто более 14000 центров «Точка роста» (к концу 2024 года в школах малых населенных пунктов должны начать работать более 24000 таких центров). Не первый год повсеместно в России открываются центры дополнительного образования, в которых дети бесплатно могут осваивать перспективные специальности, а современное оборудование, тренажеры и спортивный инвентарь становятся доступны и на уроках физкультуры в сельских школах. В «точках роста» проводятся уроки по направлениям «Технология», «Информатика», «ОБЖ», а после уроков организуют кружки дополнительного образования детей. В сельской школе дети в «точках» получают возможность познакомиться с современными компьютерами, 3D-принтерами. Можно констатировать, что «Образование» развивает цифровую образовательную среду в школах, а в «Точках роста» ребят учат строить роботов, проводить опыты, рисовать мультфильмы и многое другое, а главное — их там должны мотивировать.

К началу 2024 года было создано свыше 1,2 млн новых мест дополнительного образования и открыто 14500 центров, что позволяет принять в кружках 18 млн учащихся. Среднее образование, работа с детьми и подростками на этапе получения ими среднего образования крайне важны для исправления системы высшего образования и академической науки.

Если Россия получит новый поток специалистов, а после преподавателей и исследователей, то оздоровление академической системы будет возможно. Не разблокировано, но возможно, при условии решения следующих проблем среднего образования: 1) возвращение школам воспитательной функции, личность ученика так же важна, как и его оценки по разным дисциплинам; 2) снятие с учителей лишней «бумажной» нагрузки (цифровизация только увеличивает её); 3) повышение ставок оплаты труда по всей стране и запрет работать более, нежели на одну ставку — все должно вновь начать делаться качественно; 4) обучение должно быть вместо «предложения знаний» и «услуг»; 5) гуманизация образования и его ориентация на цели национального развития, которому каждый должен желать помочь.

Огромной проблемой среднего образования по итогам 2023 года остался дефицит школьных учителей. Эту проблему не решить без повышения оплаты и изменения условий труда. Интернет полон роликами и постами, где бывшие школьные учителя (чаще всего молодые люди) сообщают, «почему я больше не вернусь в школу». Неолиберальная реформа среднего образования продолжает делать свое дурное дело, разрушая не внешнюю, внутреннюю его сторону. Здесь необходимы шаги, которые коренным образом изменят ситуацию.

Исправленное среднее образование даст возможность быстрее изменить дело с высшим образованием. При этом очень важно дать выпускникам колледжей возможность делать не только горизонтальную (профессиональную), но и вертикальную (административную) карьеру. Для этого им должен быть открыт доступ к магистратуре (магистр — мастер и специалист, это понятия близкого смысла) в ВУЗах. Окончание её должно давать диплом о высшем образовании и облегчать карьеру в экономике и государственном управлении. Некачественные в психологическом смысле выходцы из состоятельных семей с дипломами управленцев, каковых образование ныне производит очень много, должны иметь конкурентом выходцев из рабочего класса, что сперва закончили колледж, а после магистратуру в ВУЗе — стали специалистами. Это важно в первую очередь для промышленного развития страны.

Могут ли колледжи быть локальными центрами культурной и интеллектуальной жизни? Сейчас это только учебные заведения. ВУЗ в современной России — это изолированное во многом от общества пространство. Это вообще характерно для научно-образовательных структур, и касается также колледжей. Возможно, они должны *объединяться в районные и городские федерации*, приближаясь к ВУзам по статусу. Преподавательский состав колледжей должен поощряться в

исследовательской работе, активнее получая научные степени — он должен быть своим в исследовательском пространстве. Для доктора наук не должно быть моральной проблемой работать в колледже, а для колледжа должно стать нормальным иметь большое число докторов наук, не ощущающих себя от этого неудачниками. Федерации колледжей могли бы сблизить преподавателей разных колледжей, дать им возможность взаимодействовать.

8. Контрреформа, первоначально необходимое

*«Ни в одной области нельзя достигнуть больших результатов при помощи одного только наблюдения и при отсутствии всякого практического вмешательства в ход вещей»
Карл Каутский*

*«Все, что делается достаточно хорошо, выполняется достаточно быстро».
Октавиан Август*

После заявления Владимира Путина в 2022 году об отказе России от Болонской системы и возврате к специалитету в высшем образовании, главы образовательных ведомств дали понять, что понимают они эту высокую инициативу весьма ограниченно. Это подтвердил 2023 год.

Министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков заявил после выступления Президента: «В этом году и в следующем, контрольные цифры приема уже распределили и какие-то изменения противопоказаны... есть процедура открытия новых образовательных программ, и практика показывает, что это все (создается – ред. РИА Новости) достаточно быстро. Главное задать вектор, направление и целеполагание... в ближайшие несколько лет спокойно, без резких изменений»¹³. Министр просвещения РФ Сергей Кравцов сообщил: «Я считаю, что система образования должна развиваться очень поступательно, нужно выверять каждое решение очень аккуратно, скрупулезно. Это принцип, которым мы руководствуемся, которым мы будем руководствоваться»¹⁴.

Образовательные министерства словно бы подчеркнули в ответ на выступления Президента: никакой спешки не нужно, неолиберальная реформа не нанесла ущерба научной и образовательной системе России, коренные изменения в ней не требуются (все работает как швейцарские часы) и поправить следует лишь

---

13 <https://ria.ru/20220602/obrazovanie-1792705014.html>

14 <https://ria.ru/20220607/obrazovanie-1793694693.html?in=t>

программы образования и некоторые установки для преподавателей. Однако, задачи контрреформ диктуются историческими обстоятельствами. Необходимо решать многочисленные проблемы национального развития, чтобы обеспечить выживание российского государства в условиях острых противоречий в мире.

Поэтому, следовало бы расширить контрреформу за счет следующих мер:

1. **Дебюрократизация процессов работы.** Полная отмена Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОСов) и возврат к существовавшим до 2000 года государственным требованиям к минимуму содержания подготовки выпускника на каждой ступени образования. Упразднение избыточной отчетности и её форм; предельное упрощение всех бюрократических процедур для преподавателей и управленцев. Целые пласты бюрократических структур в науке и образовании, поддерживающих друг друга за счет оборота бумаг и создания их новых видов и форм, перечней и требований к ним, должны быть упразднены как паразитические и вредоносные.
2. **Дебюрократизация структур ВУЗов.** Введение единой национальной системы штатов для всех видов научно-образовательных учреждений с правом отклонения в структурах не более чем на 5% - исключительно в форме создания отделов. Этот метод был применен главой Правительства Михаилом Мишустиным: по установленным в 2020 году правилам, численность структурных подразделений в министерствах должна составлять не меньше 40 штатных единиц, служб и агентств — не меньше 25 единиц, отделов в составе департамента или управления — не меньше 5 единиц, самостоятельного отдела — не меньше 10, тогда как для обеспечивающих подразделений установлен предел в 30% от общего числа сотрудников¹⁵. Подобным образом ВУЗы и институты должны иметь численность обеспечивающих подразделений и сотрудников не более 30%, а не 65%, как это нередко бывает; подряды по этим работам должны быть запрещены для пресечения фактического хищения средств. Преподавательский и научный состав должен составлять строго 70%.
3. **Ставка не больше жизни и качества.** Нагрузка на преподавательский состав должна быть существенно снижена: необходим запрет на работу научных и преподавательских кадров более чем на одну ставку во всех учебных и исследовательских структурах. Ставки должны быть допущены к дроблению: 0,1%, 0,25%, 0,5% и иной размер ставки. Эта

---

15 <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/413865-otkladyvat-bolshe-nelzya-mishustin-obyavil-reformu-sistemy>

мера более всего необходима для восстановления качества преподавания, которое даже при дебюрократизации процесса, не будет производиться на должном уровне перегруженным преподавателем. Имеет ценность и здоровье научных и преподавательских кадров, которое гарантированно подрывается на работе сверх одной ставки.

4. **Подходы к оплате, мотивирующие не уходить от реальности.** Необходимо понять: ученый только тогда по-настоящему имеет высшее образование, когда его активность обращена во вне – на познание и преобразование материи в интересах общественного развития, на распространение в обществе и получение на его изучении гуманитарных знаний. Потому, всюду (где нет ограничений секретности) необходимо поощрять публичную работу научных и образовательных кадров, вплоть до обязанности вести личные блоги в социальных сетях. Лицо ВУЗа уже теперь зависит от известности и востребованности его сотрудников. Власти, общественность, представители фирм должны видеть, что они имеют дело не с обособленной от действительности средой, а с системой ученых, которые грамотны, нацелены на получение нового знания и всячески содействуют повышению уровня знаний в обществе. По этой логике должна поощряться дополнительная занятость ученых в разных внешних структурах, включая экспертизу и чтение публичных лекций в обществе «Знание». В результате можно будет видеть и высокое, и низкое качество преподавателей и исследователей. Ставка в ВУЗе должна прямо предполагать свободное для дополнительной работы время.
5. **Обществу «Знание» на вооружение.** Сложность исторических условий диктует России необходимость гуманитарного и технического развития граждан, которое необходимо обеспечить просветительскими проектами. В результате это должно помочь реиндустриализации, инфраструктурной и технической модернизации России. Гуманитарные мероприятия с привлечением кадров ВУЗов и других учебных учреждений прямо диктуются задачами патриотического и культурного развития общества в крайне враждебной международной обстановке, в условиях недружественной пропаганды.
6. **Научные общества – вперед.** В России необходимо увеличить число научных обществ с индивидуальным членством, поднять их статус и дать им возможность влиять на выбор награждаемых государством ученых и новых академиков. Реальные общенациональные научные общества должны стимулировать и работу научных институтов и кафедр ВУЗов, отмечая наиболее интересные работы и исследователей. Задача научных обществ с точки зрения государства состоит в том, чтобы разрушить

- изоляция формальных академических сообществ, сделать работу более публичной и связанной с заинтересованной аудиторией, которая может мотивировать и критиковать ученых, разоблачая имитацию деятельности.
7. **Чтение вместо бумажных публикаций.** Необходимо прекратить поток псевдонаучных академических публикаций и конференций, отменив требования по ним к сотрудникам научных и образовательных структур. Участие в конференциях должно быть исключительно добровольным, основанным на научном интересе. Участием в конференции может считаться и присутствие на одной без выступления. Практику обязательных академических публикаций по американской формуле «Публикуйся или умри» необходимо заменить рекомендацией публиковать ежегодно не более трех научных статей: рецензию на монографию, изложение своих мыслей, совместную публикацию с молодыми учеными. Аспирантам следует к защите диссертации иметь 3 публикации, лишь одна из которых должна быть в научном журнале. Маркировку ВАК для научных изданий следует отменить, оставив лишь РИНЦ – российский индекс научного цитирования. Российские научные журналы должны не позорить свою страну, а показывать реальные научные результаты. В этом случае они смогут преодолеть нынешнее общественное презрение и получить реальную аудиторию.
  8. **Поступление платное и бюджетное.** Поступление студентом в ВУЗ должно производиться на основе оценок в аттестате и собеседования абитуриента с приемной комиссией. Единый государственный экзамен может быть сохранен здесь только для абитуриентов претендующих на более высокий бал, и на этом основании сдающих экзамен. Ограничений по платным местам в ВУЗах быть не должно. Стоимость обучения на техническую и строго исследовательскую специальность должна быть вдвое ниже, чем обучение на юриста или экономиста.
  9. **Менеджер – это не профессия?** Из высшего образования должны быть изгнаны «специальности», которые на деле являются лишь претензией на незаслуженную еще позицию руководителя. Управленцы должны иметь в экономике разное образование и не могут быть просто управленцами; зато получение особой управленческой степени (магистра, то есть мастера) должно быть открыто для обладателей всех специальностей.
  10. **Аспирантура для исследователей и Магистратура для управленцев.** Аспирантура должна перестать быть ступенью образования и снова стать временем подготовки научной работы, но все работы административного порядка должны писаться в другом – новом учреждении. Во всех ВУЗах необходимо готовить Магистров делового администрирования (МДА или

МВА в западной транскрипции) с написанием итоговых работ, но по иной программе, чем в аспирантуре. При этом никаких экзаменов для получения степеней в аспирантуре или магистратуре не должно быть: только защита научной работы. Аспирантов должно быть вдвое меньше, чем претендентов на звание магистра по управлению. Лицам с техническим образованием должен отдаваться приоритет при приеме в магистратуру, так как экономике особенно нужны такие грамотные кадры; доступ к управленческим знаниям и особым дипломам для них должен быть широко открыт. Фундаментальная исследовательская система в результате таких изменений передаст людей с деловой хваткой и практическими интересами от аспирантуры к магистратуре. Степень магистра должна признаваться равной степени доктора наук, которую должны получать аспиранты по итогам защиты диссертации. Кандидат — это не защитившийся еще аспирант или человек с высшим образованием.

11. **Научные степени и научные звания.** Необходимо упразднить степень кандидата наук (претендента на статус ученого), а всех кандидатов перевести в доктора, присвоив нынешним докторам пожизненное звание почетных докторов наук, но в дальнейшем ограничив предоставление такого звания строго крупными научными заслугами. Ученые звания должны быть резко сокращены для уменьшения нездорового неравенства: высшим званием должен быть – профессор (преподаватель, обладающий научной степенью), следующим по значению – ассистент профессора или научный сотрудник. Никаких «младших», «старших» или «доцентов». Никаких ограничений в звании для занятия должностей в академической системе быть не должно, лишь быть ректором или заведовать кафедрой может только профессор – то есть преподаватель. Значение званий должно быть понижено, чтобы не мешать исправлению системы и её работе в режиме менее агрессивной иерархичности. Присуждение научных степеней должно производиться научными советами в ВУЗах; за ВАК следует оставить только право их публично оспаривать.
12. **Новый баланс физиков и лириков.** Российское высшее образование после 1991 года становилось все более ориентированным на офисные работы, тогда как естественнонаучные и инженерные направления признавались избыточными для воображаемого постиндустриального строя. Следует исправить баланс: вдвое увеличить бюджетные места для «физиков» и сократить оные для «лириков» менеджмента, дав больше возможности ВУЗам для предоставления такого образования платно (но выручка должна быть под контролем, а не растворяться непонятным образом, как сейчач). Специалисты с техническим образованием должны

иметь далее возможность по облученной схеме получать дополнительные знания и официальные дипломы по экономике и управлению, для занятия далее административных позиций в хозяйственных структурах России.

13. **Положение студентов и учебный контроль.** ВУЗы в советскую эпоху являлись фабриками по производству специалистов; достижение такого результата требовало фабричной дисциплины. Неолиберальная реформа образования в России сделала ВУЗы фабриками условных специалистов: чем ниже опускалось качество образования, тем более развивались процедуры контроля знаний и тестовые формы экзаменов, которые ещё более понижали качество образования и демотивировали студентов. Считалось, что чем больше стресса переживают студенты, чем тупее и бессмысленнее контрольные меры, тем больше выпускники будут ценить оказанные им образовательные услуги. Следует соединить ориентацию на качественную подготовку специалистов по-советски с упрощением мер контроля, предоставив преподавателю большую самостоятельность, а в момент экзаменов (оставить следует только реально необходимые) оценивать студента нужно комплексно, учитывая его активность на занятиях. Для студентов должно расширить возможности апелляции.
14. **Возвращение коллегий.** Коллегии были введены в России императором Петром I для уменьшения риска негативных последствий единоличных решений управленцев и выработки нужных мер в нетипичной ситуации. Управление ВУЗами и факультетами, институтами и важнейшими подразделениями должно производиться избираемыми коллегиями. Ректора должны быть ограничены коллегиями ВУЗов. Что касается кафедр, то необходимо прекратить их укрупнение и упростить в плане бумажного оборота их работу, дав им реальную автономию в ВУЗах.
15. **Возвращение постоянных контрактов.** Временные трудовые договора могут быть сохранены только для ассистентов профессоров и в режиме двухлетнего и трехлетнего контракта. Все сотрудники ВУЗов и научных центров должны являться постоянными членами коллектива. Практику фальшивого конкурсного избрания необходимо прекратить. Прием новых сотрудников должен производиться по рекомендации профессоров. Они должны иметь право брать себе аспирантов без всяких экзаменов для создания научных школ на основании собственной оценки пригодности того или иного лица при условии наличия у него высшего образования.
16. **Осторожность с демократией и Академией наук.** Правила медицины гласят: если позволить больному самому решать, что и как он должен лечить, то недолг может быть и летальный исход. Изменения в системе науки и образования должны проводиться с учетом колоссальных

проблем системы, только усиленных, но не созданных неолиберальными реформами (об этом говорит нежелание «академического сообщества» им сопротивляться). Эти проблемы есть и в Академии наук. Но в её случае более правильно осторожное действие, нежели общее активное изменение. За академиками следует сохранить все имеющиеся права, но статус члена-корреспондента не должен считаться обязательной ступенью к признанию ученого академиком. Само сообщество академиков тоже нельзя считать всегда способным определить достойного.

Перечисленные меры не сделают российскую академическую систему лучшей в мире, а лишь устранят наиболее уродливые её пороки. Приведенные меры включают лишь часть необходимой программы контрреформы, состоящую в исправлении наихудших сторон системы. Это своего рода программа минимум, если не программа *minimum minimumum* необходимого для национального развития и полезного для общества функционирования науки и образования.